

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ ПОСТСОВЕТСКИХ ЭЛИТ

Российские реформы в конце XX века изменили социально-экономическую систему страны. Рассыпался хозяйственный механизм, разрушились промышленные связи, сузились возможности национального рынка. В первую очередь пострадали образование, здравоохранение, социальное обеспечение. Производственная активность переместилась из наукоемкой сферы в экспортодобывающие отрасли, которые стали главной составляющей доходной части бюджета.

Экономическая политика последних десятилетий привела к ухудшению условий для развития производительного сектора, что переориентировало экономических агентов на транзакционные виды деятельности. В результате стал развиваться конфликт между транзакционным и реальным секторами экономики. Доминирование финансового сектора, не принимающего непосредственного участия в производстве, основано на абсентеистской собственности, которая приносит спекулятивный доход. Как следствие его размеры и разросшийся рынок ценных бумаг во много раз превзошли рост стоимости материальных активов корпораций.

Расширение топливно-энергетического и транзакционного секторов изменило содержание политических институтов. Наряду с увеличением управленческого аппарата, трансформация экономики обусловила перераспределение власти между политическими субъектами. С одной стороны, обострилась политическая конкуренция, связанная с усилением персональных и корпоративных амбиций. С другой – произошла реставрация авторитарной системы управления, которая ослабила «либеральную революцию» ельцинского периода. Резкое расслоение социальных страт привело к

глубоким разломам между людьми, отраслями и регионами, попавшими в разные социально-экономические условия.

Фрагментация общества, маргинализация значительного числа населения вернули Россию к ее извечной проблеме – взаимному отчуждению двух базовых социальных страт, существующих в слабо пересекающихся социально-экономических пространствах. В первой оказалась промышленная, финансовая и политическая элита, живущая в условиях избыточного потребления и исповедующая ценности индивидуализма. Во второй – большая часть населения, выживающая в условиях материальной недостаточности и сохраняющая коллективистские социокультурные приоритеты. Разнородность этих сегментов связана не только с различиями в уровне доходов, но и, что более важно, с полярностью их социального мышления. Последствия такой разобщенности трагичны для общества (наглядным примером служит российская история XX века). Прежняя российская элита с проблемой разобщенности не справилась. Современная – получила очередной шанс на ее решение.

Верхняя страта представляет собой управленческое сообщество нескольких политико-финансовых империй. Частично её социальные корни уходят в советскую номенклатуру, которая, освободившись от обязательств перед обществом, конвертировала власть и ресурсы в финансово-экономический капитал. Приватизационные аукционы способствовали созданию корпоративных структур, получивших доступ к государственным активам. Каждая из них приобрела собственный социально-экономический потенциал: силовые структуры, креатуры в органах власти, информационно-аналитические ресурсы, связи с регионами и отраслями и т. д.

Присутствие корпораций в политике обеспечило элитный плюрализм. Миграция предпринимателей из бизнеса во власть и обратно превратилась в обычную практику политического процесса. Однако разнородность верхней страты не изменила направленность политической системы. По итогам избирательного цикла 2003–2013 гг. оформилась моноцентричная конструкция (концентрация

политической власти в едином центре; ориентация на экономическую элиту; популизм). Правила «политической игры» задает исполнительная власть в лице Президента. Десятилетие ее отступления перед партикулярными интересами обусловило возврат к государственной централизации. Слабость гражданского общества предопределила усиление бюрократии и силовых структур. Положение крупного бизнеса укрепилось за счет крупномасштабного перераспределения собственности.

Федеральный центр лишил экономический «истеблишмент» прямого политического участия. Президентская формула равноудаления бизнеса от власти привела к отстранению олигархических кланов от прямого воздействия на внешнюю политику и кадровые перемещения, но их влияние на социально-экономическую сферу только возросло. Экономическая политика осталась глубоко либеральной – соответствующей интересам крупного бизнеса. Тесная связь между бизнесом и администрацией утратила статус приоритетного основания внутриэлитной консолидации. Властная вертикаль заставила субэлитные группы подчиняться Президенту, но не устранила причин их разногласий. Эффективная государственность в пределах существующих границ осталась единственным основанием для социального консенсуса. Противоречия не исчезли, но изменили конфигурацию, приобрели многомерность [1].

Современные межэлитные взаимодействия отличаются определенной архаизацией, что парадоксальным образом способствует стабильности политических институтов.

Жесткая борьба корпоративных структур эпохи первоначального накопления капитала за доступ к государственным ресурсам сменилась «монополистической войной» за выживание. В результате более мелкие экономические субъекты были поглощены немногочисленными гигантами. Отраслевые лобби использовали государственные институты для реализации ведомственных интересов. Одним из следствий государственной централизации явилось сближение позиций экономических элит (газовой и нефтяной) по

стратегической теме – поддержке отечественной обрабатывающей промышленности. Газовая элита, заинтересованная в независимости от импорта газодобывающего оборудования, изначально инвестировала часть прибыли в поддержку отечественного машиностроения. Нефтяные корпорации, ориентированные на импорт оборудования, хоть и существенно позже, но также включились в восстановление национальной промышленности.

Для определения российской элиты часто применяется термин «клан» [2]. Название обусловлено наличием связей, которым свойственны: закрытость, клиентизм, узко корпоративная, партикулярная ориентация. Их сущность выражена в патроно-клиентских отношениях на любом управленческом уровне. В частности, ведущими факторами, определяющими карьеру чиновника, являются не интеллектуальная составляющая, профессиональная компетентность, высокая образованность или управленческая эффективность, а поддержка экономической или административной структуры. Взаимосвязь личной преданности с покровительством высокопоставленного лица оказывается определяющим фактором карьерного роста на любой ступени управленческой иерархии.

И наконец, постсоветская «феодализация» проявилась на уровне региональных субъектов. Она выросла не из особенностей производственных отношений, а из властных амбиций конкретных групп или лиц. В ряде бывших республик СССР произошел регресс процессов элитообразования. Релевантный обществу модерна принцип бюрократического формирования управленческого аппарата изменился на рекрутирование, основанное на социальных связях добуржуазного типа. Заново обрели социальный статус жузы в Казахстане; тейпы в Чечне; региональные, земляческие, родственные кланы в Узбекистане, Таджикистане, Туркмении и т. д.

Атрофия государственного мышления местных элит, отсутствие у них стратегического подхода к управлению проявились в готовности ради сиюминутной корысти жертвовать долговременными интересами регионов. Руководители субъектов

федерации напоминают князей периода распада Киевской Руси: «В опустошенном общественном сознании оставалось место только инстинктам самосохранения или захвата... Если бы князья были предоставлены сами себе, они разнесли бы свою Русь на бессвязные, вечно враждующие между собой удельные лоскутья... Власть хана давала хотя бы призрак единства мельчавшим и взаимно отчуждавшимся вотчинам» [3].

Возвышение региональных элит запустило «архаизацию» общественной жизни большинства территорий, которая повлекла за собой регрессию институтов, нравов и образа жизни людей. Рост социального положения местной бюрократии соседствовал с резким падением цивилизационного статуса населения.

Путинская централизация затормозила развитие этих процессов. Однако эффективность государственной бюрократии целесообразно рассматривать в более широком социальном контексте по следующим направлениям:

- Государственные интересы общества, которым она управляет.
- Партикулярные (групповые) интересы управленческого аппарата.
- Личные интересы конкретного чиновника.

На сегодняшний день чиновничество наиболее эффективно в реализации личных интересов: практика коррупционно-стимулированного бюрократического произвола в России является общеизвестным фактом (согласно данным Transparency International в 2013 г. Россия по уровню коррупции заняла 127 место из 175 стран) [4].

Показателями эффективности управленческого аппарата в достижении корпоративных целей являются его численность и изменение материального содержания. В настоящий момент наблюдается резкое увеличение числа постсоветской бюрократии. При этом оплата труда большинства госслужащих в два-три раза меньше, чем в коммерческом секторе (превышение только у верхнего эшелона). Оба параметра свидетельствуют об умеренной эффективности бюрократии в реализации групповых интересов.

И наконец, государственная бюрократия и крупнейшие корпорации, обладая огромными административными и финансовыми ресурсами, показали себя неэффективными агентами инновационного развития страны.

Известно, что корпоративные структуры имеют ограниченные возможности для стимулирования экономического роста в масштабах государства. При этом их симбиоз с властью не всегда мешает элите превратиться в субъект развития. Корпоративная модель неоднозначна – она может способствовать как экономическому росту страны, так и исключительному обогащению элиты. Конструктивное участие в крупном бизнесе ключевой бюрократии доказывает опыт государственного корпоративизма в странах Юго-Восточной Азии.

Было бы ошибкой возлагать ответственность за модернизацию экономики только на государство. Однако эффективная экономическая политика возможна, только при условии ее закрепления в качестве государственного приоритета – что очевидно на примере развитых стран. Современное мировое хозяйство отличается определяющей ролью «экономики знаний». Интеллектуализация труда выступает ключевым фактором глобальной конкуренции. Главным условием и инструментом ее создания является качество человеческого капитала, развитие которого остается прерогативой государства. Бизнес принимает участие в обеспечении интеллектуальной экономики, но матрица развития инновационной сферы требует государственной поддержки (основные причины связаны с: капиталоемкостью научных исследований, высокой степенью риска, зависимостью от уровня развития научной среды и информационной инфраструктуры, спецификой требований к квалификации кадров, необходимостью правовой защиты интеллектуальной собственности и т. д.).

Неслучайно реформы государственного управления развитых стран были нацелены на стимулирование экономики через развитие человеческого потенциала. За последние 30 лет существенно выросли расходы на социальное развитие и в среднем составляют 62% от

государственного бюджета, вдвое увеличились социальные трансферты, доли расходов на науку и образование достигли 5% ВВП [5].

Совершенно иная динамика наблюдается в России. Почти вся социальная сфера с конца XX в. (здравоохранение, образование фундаментальная наука, социальное обеспечение) выступала объектом редукции. С 2004 г. начались реформы по ее маркетизации (система монетизации льгот; коммерциализация здравоохранения, образования, науки, культуры) [6]. В результате Россия занимает 104 место – в индексе качества жизни [7]; 61 место в индексе развития человеческого потенциала. [8]. Те же причины объясняют низкий уровень конкурентоспособности страны в целом. За годы реформ доля ТЭК в российском ВВП возросла почти вдвое – с 11 до 19,5%. Это больше чем в Колумбии, Венесуэле и других странах с сырьевой экономикой (доля российского экспорта, составляющая продукцию ТЭК, достигла 68%). Отставание России очевидно по ряду ключевых экономических показателей: в рейтинге глобальной конкурентоспособности страна занимает 64 место [9], в соответствии с индексом технологического развития – 68 место; в рейтинге экономической свободы – 140 место [10].

Таким образом, деятельность бюрократии показывает неоптимальное соотношение общегосударственных и корпоративных интересов. Она использует механизмы государственного управления в партикулярных целях и неэффективна как агент государства. В конечном итоге рост бюрократии не укрепляет позиции государства, а представляет собой усиление политических позиций аффилированной с государством элитной группы, которая не смогла осуществить структурную модернизацию экономики. Политические и бизнес-элиты не проявляют реальной заинтересованности в стратегическом развитии страны, что обесценивает их элитарный статус. Такое положение отражает сложный комплекс политических, экономических, социально-психологических и др. причин [11].

Во-первых, в российском социальном опыте дискредитирована сама идея развития. Она так и не стала безусловной ценностью как для

массового, так и элитарного сознания. Проблемы, возникавшие по ходу мобилизационных проектов, отражали слабость внутреннего импульса социальной эволюции. Задачи, стоящие перед обществом, превышали возможности населения. Для большинства граждан модернизация сопровождалась сверхнапряжением и свехэксплуатацией, а значит, насилием, компенсировавшим скудость остальных ресурсов – финансовых, материальных, временных и т. д. (тот же Ключевский отмечал катастрофический упадок физических и психологических сил населения в период после петровских реформ) [12].

Модернизация диктовалась не только произволом властей, но и характером государственного строительства – созданием империи на скудном экономическом базисе, необходимостью выживания социума в условиях конкуренции с более удачливыми в геополитическом плане соперниками. Поэтому власть часто выступала в качестве кнута, подстегивающего развитие, иногда против собственного желания.

Впрочем, элита имела и собственные причины избегать модернизационных проектов. Активная модернизация уменьшает степень социальной устойчивости верхней страты. Быстрая ротация верхнего класса чревата масштабными "чистками", связанными с обнулением его социального статуса. В более мягком варианте – неспособность элиты выступать в роли эффективного агента модернизации выставляет на всеобщее обозрение ее профессиональную и личностную несостоятельность. Такое положение влечет за собой потерю легитимности и, в то же время, необходимость применять как легитимное, так и нелегитимное насилие ради сохранения собственных привилегий.

Во-вторых, российское массовое сознание отражает более общие социально-психологические закономерности. Формирование ценностных ориентиров связано не только с субъективными предпочтениями каждой страты, но и с объективными законами длинноволновых колебаний массового сознания (от ожиданий населения по поводу общезначимых ценностей к частным интересам). Общественная активность и индивидуальный интерес существуют в

состоянии маятникового движения от частных предпочтений (корыстолюбие и эгоизм) к государственным приоритетам (патриотизм и коллективизм). Нация имеет ограниченные возможности по выполнению обязательств, требующих сильного напряжения. Люди неспособны длительное время прилагать героические усилия ради "великих" целей. Периодически они фокусируются на решении личных задач. Усталость от публичных призывов и мобилизационной активности, разочарование в полученных результатах девальвируют политический пафос, идеализм, реформы. Когда классовая или групповая активность затухает, спектр социальных действий начинают определять факторы культуры – этнические, религиозные, моральные. Более того, период частного интереса – время консолидации, когда усваиваются нововведения предшествующего периода, а так же накапливаются предпосылки для будущего развития.

Таким образом, безразличие современной элиты к проблемам страны является оборотной стороной гипертрофированной устремленности недавнего «социалистического проекта» в будущее, который требовал от своих участников жертвенного отношения к настоящему. Значительные издержки (политические, психологические, нравственные и т. д.), связанные с форсированной модернизацией, накопили у элиты огромный негативный потенциал в связи с психологическими последствиями постоянно воспроизводившегося противоречия между функциями владения и распоряжения. Поэтому в фокус стартовавшего в начале 90 гг. реформаторского процесса попала исключительно дистрибуция.

И последнее: с конца 90-гг. индифферентность политического класса отчасти объясняется практически повсеместной приватизацией институтов государства и гражданского общества кланово-корпоративными структурами. Эрозия государственной идентификации привела к тому, что элита усвоила корпоративный принцип существования, а население – региональный. Общегосударственный локус идентификации как инструмент артикуляции общезначимых целей практически отсутствовал.

Учитывая пластичность массового сознания, индифферентность рядовых граждан к идее инновационного развития не критична для будущего страны, чего нельзя сказать о безразличии элиты. Она является не только субъектом стратегического целеполагания, но и носителем эталонных ценностей для большинства населения, без которых развитие просто блокируется. Следовательно, пассионарность верхней страты – условие, может быть, недостаточное, но необходимое для сохранения российской государственности [13]. В определенной степени элита может использовать уже наработанные технологии социального общежития и консолидации культурно разнородного населения в единый социальный организм. Эффективность их применения в предшествующие исторические периоды не была оптимальной. Она колебалась в зависимости от применяемых методов управления (от прямого принуждения до социально-психологического стимулирования).

Следует учитывать, что в российском обществе отсутствует многочисленный средний класс, наличие которого, является базовым условием стабильности социальной системы. Поэтому естественные процессы самоорганизации приведут только к усилению имущественной и социально-психологической поляризации социальных страт. В современных условиях социальные проблемы не решаются автоматически, но только при условии адекватной политики государства.

Таким образом, задача политической элиты состоит в переориентации на ценности развития и обеспечения целенаправленного влияния на процессы социальной самоорганизации. Это позволит смягчить разнонаправленные тенденции, консолидировать общество, установить приоритет общенациональных задач над корпоративными и личными интересами.

Как ни парадоксально, но конструктивный потенциал заложен в сегодняшнем кризисе. Точнее – в связанном с ним сужении оптимистических альтернатив развития России. Ограниченность возможностей ведущих мировых игроков мягкими методами разрешить

грядущие экономические проблемы побуждает их ужесточать политику в отношении конкурентов, а последних – учиться выживать автономно. Однако такая независимость будет возможна, только если они встанут на путь развития. С этой точки зрения, недавние санкции, являются для нашей элиты очередным стимулом для обеспечения масштабной консолидации общества для решения общенациональных задач. Она получает возможность не только мобилизовать внутренние ресурсы на развитие собственного производства, но и существенно расширить базу своей социальной поддержки, а значит, и легитимность. Впрочем, такой сценарий не безальтернативен. Существует и другая перспектива: стать добычей более сильных геополитических игроков. Какой из двух сценариев будет реализован, зависит от качества человеческого капитала российских управленческих элит.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Гаман-Голутвина О.В.** Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. РОССПЭН, Москва, 2006. С. 358.
- 2. Афанасьев М.** Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М.: Воронеж, 1990, С. 150.
- 3. Ключевский В.О.** Сочинения в 9 тт. М.: Мысль, 1977, т. 5. С. 205.
- 4.** <http://gtmarket.ru/news/2013>.
- 5. Гаман-Голутвина О.В.** Политические элиты России. Вехи эволюции исторической. РОССПЭН.
- 6. Бендина Н.** Россия превращается в гибрид Венесуэлы с Бирмой (RBC Daily 12мая 2005 г.).
- 7.** <http://dnevniky.ykt.ru>.
- 8.** <http://www.grandars.ru>.
- 9.** <http://gtmarket.ru/news>.
- 10.** <http://gtmarket.ru/news>.
- 11. Бухарин С.П., Малков С.Ю.** Эволюция элиты. Академический проект. "Гаудамус". Москва 2014, С.75.
- 12. Ключевский В.О.** Сочинения в 9тт.М.: Мысль, 1977,К. 5, С.205.
- 13. Гумилев Л.Н.** Этносфера: история людей и история природы /М.:Экопрос,1993.С.97.